

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-21
EDN: UPVMQB

Антропология акмеистической потусторонности в стихотворении М. Зенкевича «Мясные ряды»

Аркадий Александрович Чевтаев

Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного, Российский государственный гидрометеорологический университет. 190103, г. Санкт-Петербург, Рижский пр., д. 11
achevtaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6844-8560>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению поэтики стихотворения М. А. Зенкевича «Мясные ряды» как индивидуально-авторскому воплощению представлений об инобытии. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью уяснения принципов творческой работы поэта в аспекте соотношения символистской и акмеистической поэтики. Впервые предлагается поэтическое видение М. Зенкевичем сущности потустороннего мира в его антропологическом преломлении. Посредством структурно-семиотического и антропологического подходов к изучению художественного текста, образующих методологию данной работы, устанавливается, что в стихотворении «Мясные ряды» репрезентация антропологии потусторонности сопрягается с бытийным тождеством человека и животного и определяется трансгрессией «посюстороннего» мира в инобытийный мир. Анализ стихотворения показывает, что моральная поэтика в зенкевичевском тексте соединяет в себе земное бытие и посмертное существование человека, уподобляемого животному в их телесности. В антропологической поэтике М. Зенкевича потусторонний мир мыслится не упразднением движения мировой материи, а ее реонтологизацией в пространстве инобытия: животное и человек, натуралистически обнажаясь, как «куски мяса», тем не менее продолжают существовать. Делается вывод, что, конструируя свой художественный мир на основе практик символизма и предвосхищаемого акмеизма, поэт стремится выявить принцип «нераздельности и неслиянности» земного и потустороннего измерений бытия. Экзистенциально определяя антропологическую сущность смерти и ее бытийные последствия, поэт утверждает бытийное и ценностно-смысловое равенство между «человеком» и «животным», «жизнью» и «смертью», «повседневностью» и «вечностью». В этом отношении очевидно, что миф о материи, создаваемый и утверждаемый М. Зенкевичем, являет собой память о символизме в акмеистических перспективах творчества.

Ключевые слова: Зенкевич; акмеизм; инобытие; лиминальность; материя; моральная поэтика; онтология тела; символистское миропонимание; художественная антропология

Для цитирования: Чевтаев А. А. Антропология акмеистической потусторонности в стихотворении М. Зенкевича «Мясные ряды» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 21–32. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-21>. <https://elibrary.ru/UPVMQB>

Original article

Anthropology of acmeist otherworldliness in M. Zenkevich's poem Meat Rows

Arkady A. Chevtaev

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian philology and russian as a foreign language, Russian state hydrometeorological university. 190103, St. Petersburg, Rizhsky pr., 11
achevtaev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6844-8560>

Abstract. The article examines the poetics of M. A. Zenkevich's poem Meat Rows as an individual authorial manifestation of ideas about otherness. The relevance of this paper is due to the need to clarify the principles of the poet's creative work in terms of the correlation between Symbolist and Acmeist poetics. It is the first time that M. Zenkevich's poetic vision of the essence of the otherworld in its anthropological interpretation is presented. Using structural-semiotic and anthropological approaches to studying literary text, the author forms the methodology of this paper and establishes that the poem Meat Rows represents the anthropology of otherworldliness in connection with the existential identity of man and animal and is determined by the transgression of «this world» into the other world. The

poem analysis shows that mortal poetics in Zenkevich's text connects the earthly existence and postmortal existence of man, equated to animal in their corporeality. In M. Zenkevich's anthropological poetics, the otherworld is seen not as the abolition of the world matter movement, but as its reontologization in the space of otherness: animal and man, naturalistically exposed as «pieces of meat», continue to exist nonetheless. The conclusion is made that, constructing his artistic world on the basis of symbolism practices and anticipated acmeism, the poet seeks to identify the principle of «inseparability and non-fusion» of the earthly and otherworldly dimensions of existence. Defining the anthropological essence of death and its existential consequences, the poet claims the existential and value-sense equality between «man» and «animal», «life» and «death», «daily routine» and «eternity». In this respect, it is obvious that the myth of matter, created and approved by M. Zenkevich, is a memory of symbolism in the acmeistic creative perspectives.

Key words: Zenkevich; acmeism; otherness; liminality; matter; mortal poetics; body ontology; symbolist worldview; artistic anthropology

For citation: Chevtaev A. A. Anthropology of acmeist otherworldliness in M. Zenkevich's poem Meat Rows. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(4):21–32. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-21>. <https://elibrary.ru/UPVMBQ>

Введение

Уникальность поэтического мира, репрезентируемого в акмеистических стихах М. А. Зенкевича, определяется, во-первых, предельным обнажением сущностных основ материи как первоисточка бытия, во-вторых, репрезентацией «темного родства» человека с материальной первозданностью мира, в-третьих, попыткой уяснить соотношение телесно-физической природы человеческого «я» и его духовно-интеллектуального самоопределения в мироздании. В многомерном, но концептуально едином художественном универсуме своей первой книги стихов «Дикая порфира» (1912) поэт предлагает собственное видение «прекрасной ясности», которая декларируется акмеистами в качестве ценностного основания их творческого мировидения. В зенкевичевской поэтике на первый план выдвигается идея укорененности человека в материально-биологическую среду миропорядка, и «простота» и «ясность» в его творческой модели бытия мыслятся прозрением первооснов природы в ее геологическом, палеонтологическом, анималистическом и историческом измерениях.

Культ материи и ее онтологических реализаций в поэтическом творчестве М. Зенкевича был отмечен в рецензии на «Дикую порфиру» Вяч. Ивановым, указавшим, что поэт «пленился Материей и ей ужаснулся» [Иванов, 1912, с. 44]. Это безусловно верное суждение символиста о постсимволистской поэтике становится определяющим для дальнейших рефлексий над зенкевичевской концепцией универсума. В книге «Дикая порфира» поэт не только абсолютизирует материю как первоисток и двигатель бытийного развертывания мира, но и акцентирует его эволюционистскую направленность [Rusinko, 1988, p. 90; Макуилен, 2023]. Поэтический «дарви-

низм», отчетливо наблюдаемый в структуре первой книги стихов М. Зенкевича, обуславливает особое построение модели мира, которая учитывает различные аспекты реализации материи в эмпирической («посюсторонней») реальности. Как указывает Л. Г. Кихней, в «Дикой порфире» наблюдается «взаимодействие и противостояние трех миров: макромира (земли и космоса), „среднего мира“ (человека) и „нижнего мира“ (природно-биологического)» [Кихней, 2001, с. 27]. Материально-физические основы очевидны для всех данных «миров», и именно с материей в ее многомерных, но абсолютных проявлениях вступает в смысловой контакт лирический субъект практически всех стихотворений книги.

Стремление проинтегрировать и осмыслить материю в ее космической, биологической и (до)исторической данности, представляющее магистральную авторскую интенцию в творчестве М. Зенкевича 1900-х – 1910-х годов, продуцирует мысль о постулировании поэтом природы как «сверх-субъекта», к постижению которого стремится субъектное «я» [Чеснялис, 2015, с. 112–113]. Осознание зенкевичевским лирическим субъектом (человеком) своего «темного родства» с природными первоисточками и его вслушивание в «голос» материи, исходящий из недр природного хаоса, обуславливают нарочитую «„физиологичность“ образов», которая раскрывается в постоянных «упоминаниях ран, крови, слизи, внутренних органов и пр.» [Кихней, Ламзина, 2021, с. 113]. Именно биологически явленная телесность выделяет поэтику М. Зенкевича среди других акмеистов и участников первого «Цеха поэтов». Если для Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой, О. Э. Мандельштама в начале 1910-х годов противостояние символистским стратегиям творчества прежде всего предполагает реорганизацию культурно-мифологических аспектов поэтического слова, то для

М. Зенкевича оно сопрягается с ценностным возвратом к первоистокам природы во всей ее телесно-физиологической и хтонической обнаженности.

Доминирование материи в онтологической концепции «Дикой порфиры» и предельное повышение ее аксиологического статуса в творческом сознании поэта вызывает два существенных вопроса: 1) каково место человека в моделируемом М. Зенкевичем художественном мире? 2) что представляет собой смерть, а точнее – каковы ее бытийные последствия для человека, природы, универсума? Так как изучение творчества поэта все еще находится на начальном этапе, проблема антропологии мира, конструируемого М. Зенкевичем, мыслится одной из ключевых. Тема человека и его бытийного самополагания как основа зенкевичевской лирической рефлексии была отмечена уже его соратником по акмеизму-адамизму С. М. Городецким, который в статье «Некоторые течения в современной русской поэзии» (1913) писал о поэзии М. Зенкевича: «С юношеской зоркостью он вновь и вновь увидел нерасторжимое единство земли и человека, в остывающей планете он увидел изрытое струпами тело Иова, и в теле человеческого – железо земли» [Городецкий, 2014, с. 87]. Впоследствии представление об антропологических смыслах «Дикой порфиры» обретает различные трактовки. Так, И. В. Петров полагает, что у М. Зенкевича «не природа торжествует над человеком, напротив – только человек, поняв свою природу, осознав свое родство с ней, возвышается над бытием» [Петров, 1998, с. 31]. Это суждение оспаривается П. А. Чеснялис, считающей, что «лирический субъект „Дикой порфиры” – это человек, который интересен М. А. Зенкевичу как существо биосоциальное» [Чеснялис, 2015, с. 94], то есть подчиненное тотальному действию материи и уподобленному ей историческому процессу. Конечно, поэтический мир М. Зенкевича обнаруживает подтверждение правоты и того, и другого взгляда, представляя принципиально амбивалентным постулированием человека и его места в макрокосме. Однако нам видится первостепенным то, что зенкевичевский лирический субъект стремится не к бытийному «поединку» с природой, а к уяснению сущности тварного мира и, соответственно, его художественная антропология не только включает человека в природно-материальное бытие, но и верифицирует возможности выхода за его пределы.

Проблема репрезентации инобытия в поэтике «Дикой порфиры», как и многие вопросы акмеистического творчества М. Зенкевича, до сих пор остается практически не изученной. Однако именно представления поэта о бытийной потусторонности позволяют, во-первых, уяснить связи его художественного миропонимания с символизмом, а во-вторых, приблизиться к пониманию зенкевичевской концепции мироздания. При этом принципиально важно, что в стихотворениях М. Зенкевича рефлексия над сущностью потустороннего измерения бытия своим основанием и конечной целью полагает прежде всего человека в его телесно-физическом и духовно-ментальном проявлениях. В этом отношении наиболее показательным и концептуально насыщенным видится стихотворение «Мясные ряды» (1910), в котором поэт максимально натуралистически постулирует возможный вариант посмертного существования человеческого «я» в инобытии.

Данный поэтический текст М. Зенкевича привлекает внимание своей эстетической провокационностью, определяемой нарочитым «физиологизмом» образного ряда. Так, исследователи подчеркивают, что «Мясные ряды» «посвящены плотской, тварной природе человека», в которой на первый план выдвигается «его плоть – мускулы, жир, мясо» [Кихней, Ламзина, 2021, с. 115]. На общем фоне акмеистической поэзии стихотворение «Мясные ряды» отчетливо выделяется стремлением М. Зенкевича максимально натуралистически изобразить органическую материю и соотносить ее с посмертным состоянием тварного мира. Однако, несмотря на художественную самобытность данного текста, его поэтика все еще остается практически не исследованной и в основном осмысливается в рамках историко-литературного контекста акмеизма [Тименчик, 2015, с. 156–158; Игошева, 2021, с. 97–98].

В предлагаемой статье мы обратимся к рассмотрению тех антропологических смыслов стихотворения М. Зенкевича «Мясные ряды», которые, с одной стороны, характеризуют восприятие поэтом смерти в ее материально-биологическом и духовно-онтологическом измерениях, а с другой – определяют специфику зенкевичевского видения потусторонности как посмертной области бытия. Конечно, репрезентация потустороннего мира, представленная в данном поэтическом тексте, является одним из вариантов рефлексии М. Зенкевича над сущностью инобытия, однако думается, что она принципиально значи-

ма для понимания художественного мировоззрения поэта и конструируемого в его акмеистическом творчестве мифа о материи.

Методология исследования

Наше аналитическое прочтение зенкевичевского стихотворения строится на совмещении структурно-семиотического и мифопоэтического методов изучения поэтического текста. Знаковая система, представленная в структуре «Мясных рядов» и определяющая магистральный вектор смыслообразования, неразрывно связана с окказиональной мифологией М. Зенкевича, в которой материя и природа предельно абсолютизируются и обретают почти божественный статус. В зенкевичевском универсуме «мистика символизма уступает свое место „естественно-научной мистике“, где объектом поклонения (и познания) станет могущественная Природа» [Тырышкина, Чеснялис, 2017, с. 125]. При этом мистическое восприятие мироздания не исчезает, а преобразуется: меняются истоки и перспективы трансцендентности, но сама она не отменяется. В мифопоэтике М. Зенкевича трансформируется знаковая парадигма репрезентации онтологических смыслов, но объяснительная и концептуальная функции мифа безусловно сохраняются.

Миф о материи и ее бытийном движении в сознании поэта направлен на верификацию сущности человеческой природы в ее телесном и духовном проявлениях. Это определяет принципиальный антропологический характер того вселенского взгляда на бытие, который в поэтике «Дикой порфиры» обретает астрономический, геологический, палеонтологический, анималистический, исторический модусы осмысления миропорядка. Литературоведческое понимание художественной антропологии исходит из того, что «каждый автор создает свой образ человека» и «как бы заново повторяет процесс» его «сотворения» [Савельева, 1999, с. 7]. В этом отношении для нас первостепенной оказывается та сторона антропологического подхода к литературному произведению, которая акцентирует внимание на телесно-физическом аспекте поэтического представления человека в координатах моделируемого мира. Согласно воззрениям М. М. Бахтина, эстетическое построение телесности предполагает разграничение «внутреннего» и «внешнего» тел как «своего», осознаваемого человеком-субъектом в конкретный момент бытия, и «чужого», то есть определяемого взглядом извне (ср.: «Мое тело – в основе своей внутреннее тело, тело другого – в основе внешнее тело» [Бахтин,

2003, с. 126]). Думается, что для акмеистической поэтики М. Зенкевича соотношение «внешнего» и «внутреннего» тела является принципиально важным, так как поэт не только реонтологизирует человеческую природу, что свойственно всем поэтам-акмеистам, но и стремится показать, что ее внешний и внутренний аспекты имеют единый исток и порождаются «темным родством» с материально-природным хаосом. При этом важно, что, как указывает В. В. Савельева, в художественном тексте «границы телесности не совпадают с границами тела. Они больше и шире телесного пространства, так как включают сразу представления о прошлом, настоящем и будущем тела» [Савельева, 1999, с. 148]. В поэзии М. Зенкевича представление о телесности расширяется не только за счет интеграции в эту категорию темпоральных измерений человеческого тела, но и посредством включения физической природы человека в единый космический «организм» материи как основы и феноменальной данности универсума. Соответственно, в предлагаемой работе антропологический аспект репрезентации «потусторонности» в зенкевичевской поэтике мы рассматриваем прежде всего сквозь призму семиозиса телесных знаков и окказионального мифотворчества.

Результаты исследования

Стихотворение «Мясные ряды» написано М. Зенкевичем в 1910 году, то есть в период стихийного формирования акмеистической поэтики, еще не получившей концептуального обоснования и не сложившейся в самостоятельное литературное течение. Однако в данном тексте поэт, с одной стороны, стремясь преодолеть влияние символистской концепции мира, а с другой – представить собственный взгляд на устройство универсума, предлагает такое видение феноменов бытия, которое четко соотносится с ключевым постулатом акмеизма, впоследствии сформулированным Н. Гумилевым в статье-манифесте «Наследие символизма и акмеизм» (1913): «Для нас иерархия в мире явлений – только удельный вес каждого из них, причем вес ничтожнейшего все-таки неизмеримо больше отсутствия веса, небытия, и поэтому перед лицом небытия – все явления брата» [Гумилев, 2006, с. 148]. Именно онтологическое уравнивание натуралистически представленных явлений земной (повседневной) реальности и возможных перспектив посмертного существования образует ценностно-смысловой каркас зенкевичевского стихотворения. В книге «Дикая порфира» дан-

ный текст снабжен посвящением А. Ахматовой, по свидетельству поэта, попросившей его об этом после прочтения ей «Мясных рядов» весной 1911 года [Тименчик, 2015, с. 156; Игошева, 2021, с. 97–98]. Вопрос о том, почему А. Ахматовой захотелось, чтобы это стихотворение было посвящено ей, требует отдельного рассмотрения, однако думается, что это желание вызвано тем нарочито шоковым натурализмом репрезентации инобытия, которое было чуждо, как символистам, так и акмеистам: вероятно, А. Ахматовой такое посвящение виделось приобщением к экзистенциальному прозрению запретной области универсума, совершаемого М. Зенкевичем.

В рукописном плане «Дикой порфиры», предполагавшем деление на разделы, «Мясные ряды» замыкали раздел «Материя», за которым следовали стихотворения, объединенные в раздел «История» [Зенкевич, 1994, с. 628–629]. Место данного текста в композиционном построении книги (при ее издании разделы были сняты, но порядок следования стихотворений сохранился) видится особенно важным именно в контексте антропологических смыслов «Дикой порфиры». Помещенные на границе между стихотворениями, в которых осмысляются природные движения материи, и текстами, в которых утверждается исторический путь человечества, «Мясные ряды» оказываются своеобразным «медиатором», соединяющим вне- и дочеловеческое развертывание материально-физического мира с духовно-биологическим бытием человека. Катастрофические прозрения зенкевичевского лирического субъекта здесь предвосхищают многомерные и разветвленные утверждения «темного родства» с хаосом материи исторических и мифологических героев последующих стихотворений книги.

Итак, в рассматриваемом стихотворении, состоящем из пяти катренов, изображаются рыночные мясные ряды и процесс разделывания мясных туш. В первой строфе в центр субъектной рефлексии помещается мясная лавка с ее характерными атрибутами:

Скрипят железные крюки и блоки,
И туши вверх и вниз сползать должны.
Под бледною левой кровоподтеки
И внутренности иссиня-черны [Зенкевич, 1994, с. 57].

Лирический субъект фокусирует взгляд прежде всего на мясных тушах, натуралистическое изображение которых предельно эксплицирует мертвую плоть животных. При этом на первый план выдвигается телесно-биологическая изнанка разделяемых туш, в силу чего «мясо» становится знаком телесности как таковой, во всей полноте ее материально-органической феноменальности. Как замечает А. А. Кобринский, многие зенкевичевские стихотворения «построены на придании организму человека или животного своеобразной „прозрачности“: срываются поверхностные покровы, и нарушается привычная инерция восприятия» [Кобринский, 2013, с. 301]. Такое снятие телесных «покровов» с плоти недавно живого существа, раскрывающее его анатомически-физиологические глубины («И внутренности иссиня-черны»), с одной стороны, являет биологическую материю вне формы (телесного облика), а с другой – демонстрирует витальное естество плоти даже в ее посмертном состоянии, на что указывает детализирующий телесную мертвенность знак «под бледною левой кровоподтеки». «Кровь» универсально символизирует «принцип жизни, душу, силу» [Купер, 1995, с. 159], и поэтому «кровоподтеки» здесь обозначают глубинную динамику материи, продолжающей свое движение и после биологической смерти живого существа.

Репрезентация «мясных рядов» в стихотворении М. Зенкевича явно соотносится с опытом изображения мясной лавки в ренессансной и барочной живописи XVI–XVII вв. Родство поэтики «Дикой порфиры» с живописной практикой фламандцев впервые было отмечено в 1929 году критиком Л. Березиным (А. Лежневым) [Березин, 1929, с. 243]. Красный цвет в зенкевичевской книге стихов, будучи цветом мяса, внутренностей, кровеносной системы, самого органического устройства плоти, оказывается знаком «живописности» и ассоциируется с багровым колоритом полотен живописцев XVI–XVII вв. В поэтике «Мясных рядов» актуализируется сюжетно-тематический комплекс «мясная лавка», распространенный в голландской и фламандской живописи и образующий своеобразный жанр «мясного натюрморта». По мысли Б. Р. Виппера, возникновение данной жанровой разновидности натюрморта, изображающей «освеживывание огромных туш», определяется характерной для позднего Ренессанса «страстью к обнажению предмета» [Виппер, 2005, с. 275]. Ренессансно-барочное желание постичь витальное начало мира посредством препарирования его биологиче-

ских феноменов очевидно проявляется и в творчестве М. Зенкевича, однако для поэта оно сопрягается не только и не столько с эвристическим познанием внутреннего устройства живого / мертвого организма, сколько с поиском бытийных основ материи как таковой. Поэтому зенкевический лирический субъект стремится максимально онтологизировать изображаемую телесность мертвой плоти, представляя ее в качестве органичной части универсума.

Во второй строфе стихотворения постулируется субъектная «точка зрения», раскрывающая антропологический ракурс видения микромира «мясных рядов»:

Все просто так. Мы – люди, в нашей власти
У этой скользкой смоченной доски
Уродливо-обрубленные части
Ножами рвать на красные куски [Зенкевич,
1994, с. 57].

Обобщенно-собирающее «мы» («мы – люди»), к которому причисляет себя лирический субъект, наделяет человека статусом «мясника», подчиняющего своей воле жизнь животных, обрекающего на смерть живую плоть скота, превращающего ее в мертвые туши и расчленяющего их на части. Человек-«мясник», воплощающий антропологическую власть над природой, и «мясные туши», олицетворяющие животную покорность этой власти, выстраивают ряд семантических оппозиций: «волевое – безвольное», «живое – мертвое», «мучитель – жертва», посредством которых утверждается мысль о человеке как о вершине тварного мира. При этом подчеркивается естественность и непреложность этой власти над природой с точки зрения человека («Все просто так»).

Лирический субъект предельно сосредоточен на бытовых подробностях разделывания мясных туш. Сам М. Зенкевич, как указывает Р. Д. Тименчик, в их телефонном разговоре в 1972 году свидетельствовал, что в основу стихотворения были положены «просто впечатления от Митрофаньевского базара в Саратове» [Тименчик, 2015, с. 158]. Эти «простые впечатления», совмещаясь с явной рецепцией живописного «мясного натюрморта», с одной стороны, преобразуются в акмеистически подробное описание повседневности, а с другой – оказываются основой поэтического «всматривания» в инобытие.

Концептуальным основанием поэтики акмеизма является отказ от мистического акта прозрения сущности универсума. Постулируемая

символистами «посредническая» функция тварных феноменов бытия между «этим» (земным, профанным) и «тем» (потусторонним, сакральным) измерениями мироздания, лишаящая вещь онтологической самоценности, решительно отвергается акмеистами. Символистская отрешенность от быта и тотальная устремленность к «чистому» бытию воспринимается ими как нарушение мировой гармонии. Восстановление же единства миропорядка требует возвращения бытийного статуса явлениям земной реальности. Поэтому в акмеистическом мировидении «в оправдании реального мира огромную роль играл критерий явленности, то есть самообнаружения единичных вещей, реально существующих в сопредельном человеку пространстве и времени» [Кихней, Меркель, 2015, с. 130]. Уравнивая в правах быт и бытие, акмеизм стремится снять противоречие между земным и потусторонним и явить онтологическую сущность мира в реалиях повседневности. В этом отношении натуралистическая детализация изображаемых М. Зенкевичем «мясных рядов» отчетливо демонстрирует акмеистическую логику «преодоления» символизма. «Железные крюки и блоки», «туши», «скользкая смоченная доска», «уродливо-обрубленные части», «ножи», «красные куски», являясь атрибутами обычной мясной ласки, совмещенной со скотобойней, оказываются знаками той повседневной жизни, в которой максимально полно проявляет себя первородная материя, и потому обладают безусловной онтологической ценностью.

Однако «мясные ряды» – это пространство, совмещающее витальное и мортальное начала бытия. Жизненные силы человека («мясника»), способного «ножами рвать» «уродливо-обрубленные части», и убой скота, превращаемого в «красные куски», превращают базарную «мясную лавку» в лиминальную зону, в которой соприкасаются жизнь и смерть. Лиминальный статус созерцаемых лирическим субъектом «мясных рядов» определяет сюжетный поворот в разворачивании лирической рефлексии, осуществляемый в третьей строфе стихотворения. Именно здесь субъектная «точка зрения» фокусируется на воображаемом потустороннем мире и репрезентирует возможное посмертное бытие человека:

И чудится, что в золотом эфире
И нас, как мясо, вешают Весы,
И так же чашки ржавы, тяжки гири,

И так же алчно крохи лизут псы [Зенкевич, 1994, с. 57–58].

Как видно, земные «мясные ряды» в сознании субъекта преобразуются в инобытийную реальность, в которой место забиваемого и разделываемого скота занимают люди. Оказываясь в лиминальном пространстве базара, субъектное «я» («мы») от описания смерти и посмертного состояния плоти животных переходит к рефлексии над потусторонним уделом человека. В этом отношении стихотворение М. Зенкевича очевидно включается в сферу литературного творчества, представляемую «как поле для воображения, которое регулярно обращается к проблеме смерти и ищет выходы из нее» [Красильников, 2015, с. 90]. Моделирование посмертного бытия здесь явно проблематизирует акмеистическую установку на отказ от ценностного-смыслового «всматривания» в потусторонность.

В статье-манифесте 1913 года Н. Гумилев утверждает, что акмеизм отказывается от попыток постичь инобытие, присущих русскому символизму. Поэт провозглашает: «Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма. Это не значит, чтобы он отвергал для себя право изображать душу в те моменты, когда он дрожит, приближаясь к иному; но тогда она должна только содрогаться» [Гумилев, 2006, с. 149]. Конечно, этот тезис следует воспринимать в большей степени как декларацию эстетического противоборства с символизмом, нежели как реальное отрицание рефлексии над потусторонностью. Так, если в период формирования акмеизма Н. Гумилев действительно стремится изображать «содрогание души» на границе с инобытием (ср.: «Так много, много в глухих заливах / Лежит любовников других, / Сплетенных, томных и молчаливых... / Какое счастье быть среди них!» («Константинополь» (1911)) [Гумилев, 1998, с. 50]; «Если ж это голубь Господень / Прилетел сказать – Ты готов! – / То зачем же он так несходен / С голубями наших садов?» («Птица» (1912)) [Гумилев, 1998, с. 130]), то позднее, в стихотворениях книги «Огненный столп» (1921), он нарочито погружается в потусторонний мир. Опыт моделирования inferнального пространства и посмертного пути души присущ и акмеистической поэтике О. Мандельштама [Филатов, 2021], в которой инобытие эксплицирует единство трагического, элегического и идиллического начал в универсу-

ме (ср.: «Когда Психея-жизнь спускается к теням / В полупрозрачный лес, вослед за Персефой, / Слепая ласточка бросается к ногам / С стигийской нежностью и веткою зеленой» («Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (1920)) [Мандельштам, 1993, с. 147]). Как видно, акмеисты в своей творческой практике отнюдь не избегают рефлексии над потусторонностью, но осуществляют ее отличными от символистских представлений способами: инобытие в акмеистической поэтике не изолировано от земной реальности как идеальный абсолют, а сопричастно и соприродно ей.

В этом отношении «Мясные ряды» М. Зенкевича, с одной стороны, соотносятся с акмеистическим недоверием к абсолютизации инобытия, а с другой – соизмеримы с символистскими прозрениями потусторонности. Уподобляя посмертный мир «мясным рядам» повседневно-земного базара, зенкевический лирический субъект лишает его сакральных коннотаций и онтологической цели человеческого существования, отчетливо проступающих в поэтической практике младших символистов (Вяч. И. Иванова, А. Белого, Эллыса). При этом смерть и инобытие у М. Зенкевича лишены и тех эстетизированных смыслов, которыми их наделяет старший символизм [Ханзен-Лёве, 1999, с. 355–356]. Так, в поэзии В. Я. Брюсова, влияние которой на зенкевическое творчество 1906–1912 годов весьма существенно и принципиально [Тименчик, 1992, с. 338], мир смерти предстает как безбрежная область забвения и покоя (ср.: «Но за ропотом снежной метели / И под шепот ласкающих слов – / Не забыл я полей асфodelей, / Залетейских немых берегов» («...я вернулся на яркую землю...» (1896)) [Брюсов, 1973, с. 124]; «Беспредельным далям преданный, / Там, где мекнет свет и шум, / Я покину круг изведанный / Повторенных слов и дум» («Я бы умер с тайной радостью...» (1898)) [Брюсов, 1973, с. 124–125]). Потусторонний мир М. Зенкевича в этом отношении отказывается принципиально другим: уподобленный земным «мясным рядам», он акмеистически отменяет сакрализацию посмертного иномира, но в то же время символистски абсолютизируется в качестве возможной вечности.

Знак «золотой эфир», маркирующий инобытийное пространство, указывает на божественно-небесное измерение посмертного мира, однако пребывание в нем человека обнаруживает явные inferнальные коннотации: «И нас, как мясо, вешают Вось». При этом зенкевический субъект

в ментальном прозрении потусторонности соотносит мир «мясных рядов» с идеологемой посмертного божественного Суда. «Весы», являющиеся базарным атрибутом взвешивания животного мяса, здесь обнаруживают семантику посмертного определения меры добродетельности и греховности человеческой жизни. Универсальная символика «весов» определяется значением «справедливости, то есть равенства и равноправия, вины и наказания» [Кирло, 2010, с. 88]. Отметим, что онтологическое «взвешивание» мира, отсылающее к ветхозаветному пиру царя Валтасара, утверждается М. Зенкевичем в стихотворении «Гимн к материи» (ср.: «Всему – весы, число и мера, / И бег спиралями всему, / И растекается во тьму / За пламенную сферой сфера. // Твой лик в душе – как в меди – выбит, / И пусть твой ток сметет ее / И солнце в алой пене вздыбит – / Но царство взвешено твое!» [Зенкевич, 1994, с. 44]). Эсхатологические прозрения бытия и итога первородной и вездесущей материи, присущие поэтике М. Зенкевича в целом [Кихней, 2017, с. 598], в стихотворении «Мясные ряды» проецируются на посмертное существование человека. Соответственно, «Весы» здесь обозначают одновременно и сакральную меру посмертного воздаяния, и профанное родство человека с земным скотом, на что указывают рыночные реалии взвешивания («чашки ржавы, тяжки гири»).

Моделируемая М. Зенкевичем моральная реальность, тождественная вечности, обнаруживает семантическую инверсию оппозиции «мучитель – жертва»: в инобытийных «мясных рядах» человек уподобляется скоту, а в ипостаси «мясников» выступают носители потусторонней (божественно-инфернальной) силы, что акцентировано в четвертой строфе стихотворения:

И как и здесь, решающим привеском
Такие ж жилистые мясники
Бросают на железо с легким треском
От сала светлые золотники... [Зенкевич, 1994, с. 58].

Изображение загробного мира в виде мясной лавки устанавливает онтологическое равновесие между земной и потусторонней областями универсума, что подчеркивается композиционным параллелизмом текста: 1-я и 2-я строфы описывают реальные «мясные ряды», 3-я и 4-я – инобытийные, но их устройство мыслится полностью идентичным. Это обуславливает семантическую взаимообратимость знаков, моделирую-

щих данные пространства: означаемым реалий земной «мясной лавки» становятся материально явленные предметы инобытия, а в знаках потусторонней реальности проступают значения «посюсторонних» «мясных рядов». Такое соотношение репрезентируемых сфер бытия, с одной стороны, обнаруживает символистскую логику движения от быта к иномирию, а с другой – указывает на акмеистическое единство «этого» и «того» миров. Уподобляя человека умерщвляемому и расчленяемому скоту, лирический субъект М. Зенкевича эксплицирует телесно-биологическое единство человеческого и животного существования, обусловленное их общей укорененностью в природную материю. Отметим, что впоследствии подобное тождество человека и животного утверждается поэтом в тематически близком стихотворении «Бык на бойне» (1913), в котором «бык» обнаруживает почти человеческие чувства в преддверии близкой смерти на скотобойне: «И словно в гуртах степного приволья / В одном из загонов вздыбленный бык, / Сотрясая треньем жерди и колья, / В углу к годовалой телке приник. // Он будто не чуял, что сумрак близок, / Что скоро придется стальным ногам – / С облупленной кожей литой огрызок / Отрезанным сбросить в красный хлам» [Зенкевич, 1994, с. 95].

Думается, что антропология потусторонности в «Мясных рядах» М. Зенкевича нацелена на вскрытие телесной соприродности человека и животного. «Внешнее» тело, осмысляемое извне, здесь явлено тушами скота, а «внутреннее» тело, онтологически переживаемое лирическим субъектом, представлено человеческой природой, но при этом они бытийно сопричастны друг другу. Поэтому в сюжете стихотворения становится возможной трансгрессия «мясных рядов» из «этого» мира в «тот», в котором человек занимает позицию обреченного на убой и освежевание животного.

Моральная поэтика в акмеистическом творчестве М. Зенкевича ориентирована на телесную деформацию живого организма, призванную явить сущность материи в ее биологическом первородстве. Поэтому закономерно, что «превращение тела в мясо – одна из инвариантных тем Зенкевича» [Кобринский, 2013, с. 302]. Однако в «Мясных рядах» поэт идет далее и допускает возможность превращения в мясную тушу не только тела, но и души, то есть всей материально-духовной сущности человека. Представляя загробный мир «золотого эфира» в виде матери-

ально-физически уплотненной реальности, в которой человек сохраняет телесное самосознание и ощущает потусторонние метаморфозы своего «я» как преобразования и мучения плоти, М. Зенкевич стремится явить «отелеснивание» духа [Полтаробатько, 2008, с. 15]. Соответственно, для поэта принципиально важно показать, что антропологический взгляд на бытие неразрывно связан с переживанием и проживанием телесности и в земной, и в потусторонней реальности.

Именно постулирование, а не разрешение ценностно-смыслового конфликта между телом и духом пуантирует сюжетное завершение стихотворения. В пятой (финальной) строфе лирический субъект акцентирует духовно-религиозные интенции своего представления об инобытии, но тут же нивелирует их уподоблением посмертной вечности земному «базару»:

Прости, Господь! Ужель с полдненным жаром,
Когда от туш исходит тяжко дух,
И там, как здесь, над смолкнувшим базаром,
Лишь засверкают стаи липких мух? [Зенкевич, 1994, с. 58]

Открывающее строфу воззвание к Богу, снятое поэтом при публикации стихотворения в 1933 году в силу социально-исторических обстоятельств («Прости, Господь!» было заменено на «И мучит мысль» [Зенкевич, 1994, с. 631]), здесь проблематизирует зенкевичевское видение христианской религиозной парадигмы мировосприятия. С одной стороны, художественный универсум «Дикой порфиры», в котором материя абсолютизируется как первоисток тварности, явно противостоит христианской концепции бытия, с другой же – в стихотворениях поэта Иисус Христос предстает онтологическим стержнем мира и самоопределения в нем человека [Чевтаев, 2019]. Очевидно, что амбивалентный характер рецепции поэтом христианства в «Мясных рядах» смещается в сторону «отелеснивания» духа и замыкания его в координатах безысходного пространства. Уподобление мортального инобытия «смолкнувшему базару», в котором человек обречен на безысходные страдания мясной туши, соотносимо с видением вечности Аркадием Свидригайловым в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: «Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! <...> И вдруг, вместо всего этого, представь-

те себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» [Достоевский, 1973, с. 221]. Эта параллель подкрепляется, как видно, «инсектологическим» знаками: «пауки» Ф. Достоевского соотносятся с «мухами» М. Зенкевича, которые, являясь базарной реалией «мясных рядов», превращаются в знак материально-физического мучения тела – души – духа.

Лирический субъект «Мясных рядов» воображает инобытие человека как онтологический тупик тварного начала в природном саморазвитии материи, однако и воззвание к Богу, и вопросительный характер финальной части стихотворения, свидетельствуют о том, что для М. Зенкевича вопрос о соотношении материи и духа, а значит – и о сущности потустороннего мира остается открытым. Акмеистические представления о материальной упорядоченности универсума в поэтике «Дикой порфиры» сопрягаются с жаждой постичь иной мир, что позволяет считать М. Зенкевича не столько «борцом» с символизмом, сколько его продолжателем, предлагающим телесно-биологическую версию инобытия. В этом отношении творчество поэта явно свидетельствует о том, что «между символизмом и постсимволизмом никогда не было существенного разрыва» [Успенский, 2020, с. 215], но был сложный и многомерный диалог предшественников и последователей, индивидуально-авторские миры которых строились не на отрицании, а на творческом обновлении представлений о мироздании.

Заключение

Итак, антропология потусторонности, репрезентируемая в поэтике стихотворения М. Зенкевича «Мясные ряды», сопряжена с уяснением бытийного тождества человека и животного и с порождаемой им трансгрессией реалий потустороннего мира в инобытийный мир. Мортальная поэтика, которая в зенкевическом тексте определяет убой и расчленение скота, что воплощается в характерной системе знаков («крюки», «блоки», «туши», «кровоподтеки», «внутренности», «уродливо-обрубленные части», «ножи», «красные куски», «чашки», «гири», «псы», «мясники»), экстраполируется на посмертное существование человека и уподобляет его духовное «я» телесной материи. При этом в поэтике М. Зенкевича потусторонний мир мыслится не упразднением движения мировой материи, а ее реонтологизацией в пространстве ино-

бытия: животное и человек, натуралистически обнажаясь как «куски мяса», тем не менее продолжают существовать.

Конструируя свой художественный мир на основе практик символизма и предвосхищаемого акмеизма, поэт стремится выявить принцип «нераздельности и неслиянности» земного и потустороннего измерений бытия. Экзистенциально определяя антропологическую сущность смерти и ее бытийные последствия, поэт утверждает бытийное и ценностно-смысловое равенство между «человеком» и «животным», «жизнью» и «смертью», «повседневностью» и «вечностью». В этом отношении очевидно, что миф о материи, создаваемый и утверждаемый М. Зенкевичем, являет собой память о символизме в акмеистических перспективах творчества.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7-ми томах. Т. 1. Москва : Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.
2. Березин Л. (Лежнев А.). О стихах М. Зенкевича // Новый мир. 1929. № 5. С. 242–245.
3. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. Москва : Художественная литература, 1973. 672 с.
4. Виппер Б. Р. Проблема и развитие натюрморта. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. 384 с.
5. Городецкий С. М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Акмеизм в критике. 1913–1917. Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 84–90.
6. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). Москва : Воскресенье, 1998. 344 с.
7. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. Москва : Воскресенье, 2006. 552 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30-ти томах. Т. 6. Преступление и наказание. Ленинград : Наука, 1973. 423 с.
9. Зенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. Москва : Школа-пресс, 1994. 688 с.
10. Иванов Вяч. И. Marginalia // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 38–45.
11. Игошева Т. В. Еще раз об А. Ахматовой и М. Зенкевиче // Русские поэты XX века: материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966). Москва : Азбуковник, 2021. С. 96–107.
12. Кирло Х. Словарь символов: 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. Москва : ЗАО Центрполиграф, 2010. 525 с.
13. Кихней Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. Москва : МАКС-Пресс, 2001. 184 с.
14. Кихней Л. Г. Эсхатологические мифы В. Нарбута и М. Зенкевича // Кихней Л. Г. Под знаком акмеизма: Избранные статьи. Москва : Азбуковник, 2017. С. 592–605.
15. Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2015. № 1 (33). С. 129–138.
16. Кихней Л. Г., Ламзина А. В. Специфика «рамочного текста» в книгах М. А. Зенкевича «Дикая порфира» и «Под мясной багрянницей» // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 3. С. 112–124.
17. Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. Санкт-Петербург : Свое издательство, 2013. 362 с.
18. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию). Москва : Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
19. Купер Дж. Энциклопедия символов. Москва : «Золотой век», 1995. 402 с.
20. Макуилен К. «Голос материи» Зенкевича: палеонтология в эпоху модерна // Новое литературное обозрение. 2023. № 1 (179). С. 71–86.
21. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: В 4-х томах. Т. 1. Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1993. 367 с.
22. Петров И. В. Поэтика «адамизма» (Лирика М. Зенкевича и Вл. Нарбута) // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 1998. № 4. С. 28–37.
23. Полтаробатько Е. Д. Природа и культура в русском постсимволизме: телесный код в поэзии М. Зенкевича // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2008. № 3. С. 11–16.
24. Савельева В. В. Художественная антропология. Алматы : АГУ им. Абая, 1999. 281 с.
25. Тименчик Р. Д. Зенкевич М. А. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Москва : Большая Росс. энциклопедия, 1992. С. 337–339.
26. Тименчик Р. Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: левый фланг акмеизма // Acta Slavica Estonica VII. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. С. 152–174.
27. Тырышкина Е. В., Чеснялис П. А. Эстетика адамизма: лирика М. Зенкевича 1910-х годов // Идеи и идеалы. 2017. № 3 (33). Т. 2. С. 117–131.
28. Успенский П. Ф. Символизм как точка сборки: новые исследования русского модернизма // Russian Literature. 2020. Vol. 114–115. P. 203–217.
29. Филатов А. В. Поэтика инфернального пространства в поэзии О. Э. Мандельштама: философский аспект // Русская словесность. 2021. № 1. С. 82–92.

30. Ханзен-Лёва А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. 512 с.

31. Чевтаев А. А. Христос в «адамистическом» универсуме книги стихов М. Зенкевича «Дикая порфира» // XI Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных статей. Ишим : ИПИ им. П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ, 2019. С. 149–156.

32. Чеснялис П. А. Эстетика и поэтика адамизма в ранней лирике В. Нарбута и М. Зенкевича. Новосибирск : НГПУ, 2015. 149 с.

33. Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. Vol. XXXII, 1988, P. 84–97.

Reference list

1. Bahtin M. M. Avtor i geroy v jesteticheskoy dejatel'nosti = The author and the hero in aesthetic activity // Bahtin M. M. Sobranie sochinenij: V 7-mi tomah. T. 1. Moskva : Russkie slovari; Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. S. 69–263.

2. Berezin L. (Lezhnev A). O stihah M. Zenkevicha = On M. Zenkevich's poems // Novyj mir. 1929. № 5. S. 242–245.

3. Brjusov V. Ja. Sobranie sochinenij = Collection of works : V 7-mi tomah. T. 1. Stihotvorenija. Pojemy. 1892–1909. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1973. 672 s.

4. Vipper B. R. Problema i razvitie natjurmorta = The problem and development of still life. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2005. 384 s.

5. Gorodeckij S. M. Nekotorye techenija v sovremennoj russkoj poezii = Certain trends in contemporary Russian poetry // Akmeizm v kritike. 1913–1917. Sankt-Peterburg : Gumanitarnaja Akademija; Izd-vo Timofeja Markova, 2014. S. 84–90.

6. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete collection of works : V 10-ti tomah. T. 2. Stihotvorenija. Pojemy (1910–1913). Moskva : Voskresen'e, 1998. 344 s.

7. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete collection of works : V 10-ti tomah. T. 7. Stat'i o literature i iskusstve. Obzory. Recenzii. Moskva : Voskresen'e, 2006. 552 s.

8. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij = Complete collection of works : V 30-ti tomah. T. 6. Prestuplenie i nakazanie. Leningrad : Nauka, 1973. 423 s.

9. Zenkevich M. A. Skazoch'naja jera: Stihotvorenija. Povest'. Belletristicheskie memuary = The Fairy Tale Era: Poems. Narratives. Belletristic memoirs. Moskva : Shkola-press, 1994. 688 s.

10. Ivanov Vjach. I. Marginalia // Trudy i dni. 1912. № 4–5. S. 38–45.

11. Igosheva T. V. Eshhe raz ob A. Ahmatovoj i M. Zenkeviche = Once again about A. Akhmatova and M. Zenkevich // Russkie pojety XX veka: materialy i issledovanija. Anna Ahmatova (1889–1966). Moskva : Azbukovnik, 2021. S. 96–107.

12. Kirlo H. Slovar' simvolov: 1000 statej o vazhnejshih ponjatijah religii, literatury, arhitektury, istorii = Dictionary of Symbols: 1000 entries on the most important concepts of religion, literature, architecture, and history. Moskva : ZAO Centrpoligraf, 2010. 525 s.

13. Kihnej L. G. Akmeizm: Miroponimanie i pojetika = Acmeism: Worldview and poetics. Moskva : MAKS-Press, 2001. 184 s.

14. Kihnej L. G. Jeshatologicheskie mify V. Narbuta i M. Zenkevicha = Eschatological Myths by V. Narbut and M. Zenkevich // Kihnej L. G. Pod znakom akmeizma: Izbrannye stat'i. Moskva : Azbukovnik, 2017. S. 592–605.

15. Kihnej L. G., Merkel' E. V. Aksiologija povsednevnyh veshhej v pojetike akmeizma = The axiology of everyday things in Acmeism poetics // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologija. 2015. № 1 (33). S. 129–138.

16. Kihnej L. G., Lamzina A. V. Specifika «ramochnogo teksta» v knigah M. A. Zenkevicha «Dikaja porfira» i «Pod mjasnoj bagrjanicej» = Specificity of the «frame text» in M. A. Zenkevich's «Wild Porphyry» and «Under the meat purple» / Filologicheskij klass. 2021. T. 26. № 3. S. 112–124.

17. Kobrinskij A. A. Pojetika OBERIU v kontekste russkogo literaturnogo avangarda XX veka = OBERIU poetics in the context of the XX century Russian literary avant-garde. Sankt-Peterburg : Svoe izdatel'stvo, 2013. 362 s.

18. Krasil'nikov R. L. Tanatologicheskie motivy v hudozhestvennoj literature (Vvedenie v literaturovedcheskiju tanatologiju) = Thanatological motifs in fiction (Introduction to literary thanatology). Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. 488 s.

19. Kuper Dzh. Jenciklopedija simvolov = The Encyclopedia of Symbols. Moskva : «Zolotoj vek», 1995. 402 s.

20. Makuilen K. «Golos materii» Zenkevicha: paleontologija v jepohu moderna = Zenkiewicz's «Voice of Matter»: paleontology in the Modernist era // Novoe literaturnoe obozrenie. 2023. № 1 (179). S. 71–86.

21. Mandel'shtam O. Je. Sobranie sochinenij = Collection of works : V 4-h tomah. T. 1. Moskva : Art-Biznes-Centr, 1993. 367 s.

22. Petrov I. V. Pojetika «adamizma» (Lirika M. Zenkevicha i Vl. Narbuta) = Poetics of «Adamism» (Poems by M. Zenkevich and V. Narbut) // Russkaja literatura XX–XXI vekov: napravlenija i techenija. 1998. № 4. S. 28–37.

23. Poltarobat'ko E. D. Priroda i kul'tura v russkom postsimvolizme: telesnyj kod v poezii M. Zenkevicha = Nature and culture in Russian post-symbolism: the bodily code in M. Zenkevich's poetry // Vestnik RUDN. Serija «Literaturovedenie. Zhurnalistika». 2008. № 3. S. 11–16.

24. Savel'eva V. V. Hudozhestvennaja antropologija = Artistic anthropology. Almaty : AGU im. Abaja, 1999. 281 s.

25. Timenchik R. D. Zenkevich M. A. = Zenkevich M. A. // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'. T. 2. Moskva : Bol'shaja Ross. jenciklopedija, 1992. S. 337–339.

26. Timenchik R. D. Iz Imennogo ukazatelja k «Zapisnym knizhkam» Ahmatovoj: levyj flang akmeizma = From the Name Index to Akhmatova's Notebooks: the left flank of Acmeism // Acta Slavica Estonica VII. Blokovskij sbornik XIX. Aleksandr Blok i russkaja literatura Serebrjanogo veka. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. S. 152–174.
27. Tyryshkina E. V., Chesnjalis P. A. Jestetika adamizma: lirika M. Zenkevicha 1910-h godov = The aesthetics of adamism: M. Zenkevich's poetry of the 1910s // Idei i idealy. 2017. № 3 (33). T. 2. S. 117–131.
28. Uspenskij P. F. Simvolizm kak tochka sborki: novye issledovanija russkogo modernizma = Symbolism as an assembly point: new studies of Russian modernism // Russian Literature. 2020. Vol. 114–115. P. 203–217.
29. Filatov A. V. Pojetika infernal'nogo prostranstva v poezii O. Je. Mandel'shtama: filosofskij aspekt = Infernal space poetics in O. E. Mandelstam's poetry: a philosophical aspect // Russkaja slovesnost'. 2021. № 1. S. 82–92.
30. Hanzen-Ljove A. Russkij simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannij simvolizm = Russian symbolism. The system of poetic motifs. Early Symbolism. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 1999. 512 s.
31. Chevtaev A. A. Hristos v «adamisticheskom» universume knigi stihov M. Zenkevicha «Dikaja porfira» = Christ in the «adamic» universum of M. Zenkevich's book of poems «Wild Porphyry» // XI Kirillo-Mefodievskie chtenija: sbornik nauchnyh statej. Ishim : IPI im. P.P. Ershova (filiala) TjumGU, 2019. S. 149–156.
32. Chesnjalis P. A. Jestetika i pojetika adamizma v rannej lirike V. Narbuta i M. Zenkevicha = Aesthetics and poetics of Adamism in the early lyric poems of V. Narbut and M. Zenkevich. Novosibirsk : NGPU, 2015. 149 s.
33. Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. Vol. XXXII, 1988, P. 84–97.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted on 27.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024